

DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.117-143>

ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ИЗ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПООЧЬЕ В КОНЦЕ IV – VII В.

Андрей Михайлович Обломский

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

oblomsky_a@rambler.ru

Аннотация. В статье предложена реконструкция торгового пути конца IV – VII в., связывающего Северное Причерноморье и Поочье. Определены начальная и конечные точки маршрута, локализация баз обеспечения. Роль последних играли торгово-ремесленные центры со смешанным населением, где зафиксированы прямые контакты выходцев с юга Восточной Европы (Крыма, Кавказа, Причерноморья) и с севера (бассейн р. Оки). Начальной точкой пути в конце IV – V в. был Танаис в низовьях Дона, промежуточными центрами – поселки в Верхнем Подонье на Острой Луке Дона в культурной группе памятников типа Чертовицкое-Замятино, конечной точкой – поселение Упа-Криволучье на окраине г. Тулы в ареале мощинской культуры. В конце V в. или в начале VI в. в Верхнем Подонье произошли какие-то катастрофические события. В результате их прекратили свое существование торгово-ремесленные центры на Острой Луке Дона. Могильники конца IV – V в. перестали функционировать. Наблюдается отток населения с Дона в среднее и верхнее течение р. Воронеж. В этом регионе возникла верхневоронежская культурная группа. Промежуточный центр-база был перенесен с Острой Луки Дона в верховья р. Воронеж (комплекс поселений у с. Стаево). Торговый путь продолжил свое существование, но маршрут его изменился. В VI–VII вв. он начинался на Боспоре, проходил через верховья р. Воронеж и заканчивался где-то на территории культуры рязано-окских могильников. Не исключено, что одно из ответвлений этого пути заканчивалось на Самарской Луке Волги.

Ключевые слова: торговый путь, торгово-ремесленные центры, Верхнее Подонье, Поочье, Причерноморье, конец IV – VII в.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-00110.

THE TRADE ROUTE FROM THE BLACK SEA TO THE OKA AREA FROM THE LATE FOURTH TO SEVENTH CENTURIES

Andrei M. Oblomskiy

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

oblomsky_a@rambler.ru

Abstract. This article suggests a reconstruction of the late fourth- to seventh-century trade route connecting the Northern Black Sea Area and the Oka River basin. The starting and ending points of the route and the location of the support bases have been determined. These bases were trade and industrial centres where mixed population lived and direct contacts of immigrants from the south of Eastern

Europe (Crimea, Caucasus, and Black Sea area) and the north (Oka river area) were documented. In the late fourth and fifth centuries, the route in question started in Tanais in the lower reaches of the Don; its intermediate centers were the settlements in the Upper Don area on the Ostraia bend in the cultural group of the Chertovitskoe – Zamiatino type; the final point was the settlement Upa-Krivoluch'e on the outskirts of the modern city of Tula in the area of the Moshchiny culture. In the late fifth or early sixth century, unclear catastrophe happened to the Upper Don region. In result, the trade and industrial centres on the Ostraia bend of the Don ceased to exist. The late fifth- and sixth-century cemeteries also disappeared. There was an outflow of the population from the Don to the middle and upper Voronezh area. In this region, the Upper Voronezh cultural group developed. The intermediate center base moved from the Ostraia bend of the Don to the Upper Voronezh area (to the complex of settlements near the modern village of Staevo). The trade route continued to exist, but its location changed. In the sixth and seventh centuries, it started on the Bosphoros, passed through the Upper Voronezh area, and finished somewhere on the territory of the Riazan' – Oka cemeteries culture. It is still possible that one of the branches of this route ended at the Samara bend of the Volga.

Keywords: trade route, trade and industrial centres, Upper Don area, Oka area, Black Sea area, late fourth to seventh centuries

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00110.

Варианты реконструкций торговых путей в древности неоднократно предлагались археологами, и почти всегда они воспринимались неоднозначно, в первую очередь, из-за специфики источников и возможности разных способов их интерпретации. Тем не менее, специалистам по археологии лесостепного Подонья известен ряд фактов, которые сложно объяснить, если не допустить, что через этот регион в середине – третьей четверти I тыс. н.э. проходил торговый путь, связывавший Северное Причерноморье и лесную зону Восточной Европы, ближайшим регионом которой является бассейн Оки. Гипотеза о существовании пути из лесной зоны на юг по Дону в раннем средневековье была предложена М. М. Казанским, который опирался, в основном, на сообщение Иордана о хунугурах, торговавших мехом. Последние локализованы в низовьях Дона и на прилегающих территориях [12, с. 95, 96]. Статья, предлагаемая вниманию читателя, посвящена реконструкции маршрута этого пути и динамики его функционирования. В своих предыдущих работах я неоднократно обращался к этой теме [17; 20; 25, с. 524], в них можно найти подробности. Здесь излагаются некоторые мои наблюдения в сжатом виде.

Вначале – несколько замечаний теоретического характера. Основная проблема определения маршрута торгового пути при отсутствии его описания в письменных источниках (как, например, пути «из Варяг в Греки») заключается в том, возможна ли его реконструкция на археологическом материале, т.е. как археологи могут определить наличие торгового пути?

Казалось бы, проще всего нанести на карту импортные вещи и получить представление о векторе их движения. Мне этот способ представляется не слишком удачным, по крайней мере, для раннего средневековья Восточной Европы. Импортные предметы обычно обладают особой ценностью для населения и начинают

распространяться по цепочке в разных его группах. Ареалы вещей при этом получаются довольно широкими.

Мне кажется, что исследовать археологический материал в ключе реконструкции торгового пути нужно иначе. Торговый путь обычно действует в течение длительного периода времени (или относительно длительного). Он представляет собой маршрут, по которому осуществлялись постоянные контакты различных групп населения друг с другом. Это – ось, по которой происходило не только перемещение вещей, но и людей, а также элементов их культуры, причем в разных аспектах.

Торговый путь обычно имеет начальную и конечную точки маршрута, но, кроме них, если он достаточно протяженный, и промежуточные центры – базы обеспечения, возможно, торжища. На этих поселениях-базах либо в регионе, где они расположены, должны обитать люди, деятельность которых связана с торговым путем – купцы, ремесленники, выходцы с территорий в его начале и конце. Такие поселения-базы не могли не быть центрами притяжения населения как ближайшей округи, так и более отдаленных территорий, т.е. они должны быть большими по площади (на фоне прочих в данном регионе), иметь разнообразные функции. На памятниках, соответствующих базам, могут концентрироваться импортные вещи.

Ремеслом, разумеется, занимались на различных поселениях по всей территории любого социума, но в центрах оно должно быть разнообразным и более масштабным, чем в рядовых поселках.

Такие промежуточные торгово-ремесленные центры конца IV – VII в. расположены на территории лесостепного Подонья.

Исходя из общих наблюдений, рассмотрим конкретные верхнедонские археологические материалы.

Гуннский период (конец IV – V в.)

Центры. К этому времени в Верхнем Подонье относятся памятники типа Чертовицкое-Замятино. В настоящее время известно 31 поселение, включая 4 городища с укреплениями гуннского времени. К этому же периоду относятся могильники круга Животинное с бескурганными ингумациями (Ксизово-16, 17, 19; Животинное; отдельные захоронения известны на нескольких поселениях, всего – 126 погребений) (рис. 1).

Население, оставившее верхнедонские памятники конца IV – V в. было полиэтничным. В его составе наблюдаются элементы киевской культуры Днепровского лесостепного Левобережья, мощинской, позднедьяковской и рязанско-окской культур Поочья, черняховские, северо-причерноморские и степные. Последнее общее описание древностей Верхнего Подонья гуннского времени, как археологического массива, включая библиографию, вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности дано в издании [25, с. 483–508].

Большинство поселений – относительно небольшие. Их площади составляют от 0,4 до 1,2 га. Самые крупные селища сосредоточены на Острой Луке Дона:

археологические комплексы у сел Верхнее Казачье – не менее 8 га, Каменка – около 18 га, к югу от Мухино (Мухино-2 и 7) – около 13 га, Замятино – более 16,19 га, Ксизово – 75,62 га. Все эти наиболее крупные в Верхнем Подонье поселения расположены на относительно небольшом участке долин Дона и его притока Сновы размерами приблизительно 18х5 км. У с. Ксизово исследован самый крупный в регионе могильник. Очевидно, здесь находился и сакральный центр.

Ремесла. На поселениях на Острой Луке Дона зафиксированы следы разнообразных ремесел. В Ксизово-17 и Замятино-5 исследованы остатки черной металлургии [29, с. 31, рис. 37], на селищах у с. Замятино – кузнечного, причем на поселении Замятино-5 изготавливались или ремонтировались кольчуги [28, с. 65, 66].

Исследуя верхнедонские фибулы, И. О. Гавритухин пришел к выводу, что некоторые их вариации или детали оформления в рамках групп, имеющих причерноморское и дунайское происхождение, характерны только для Верхнего Подонья [29, с. 223–226; 10, с. 227–233]. У с. Мухино обнаружена заготовка типичной для Поочья треугольной фибулы (рис. 2,6), а в Ксизово-19 – основной серии подгруппы Левице-Токари (двупластинчатой с кербшнитным орнаментом) [10, с. 226]. Все это свидетельствует о творческой переработке ремесленниками Острой Луки ювелирных традиций как южных регионов, так и бассейна Оки. Рабочая площадка ювелира (выплески бронзы, обломки и обрезки пластин, каменные очаги) исследована на одной из усадеб поселения Ксизово-19 [29, с. 83, 112, 113]. В Замятино-8 обнаружены обломки глиняных тиглей для плавки бронзы и один целый экземпляр [28, с. 26], капля-выплеск, фрагменты бронзовых пластин.

На поселении Ксизово-19 находился двухъярусный гончарный горн [28, с. 67, 68], изучена производственная площадка ремесленника с ямами-карьерами для добычи глины и верхней частью гончарного кувшина, высушенного, но необожженного [29, с. 88, 89, 111].

Разнообразно косторезное ремесло. На поселениях Замятино-5 и 8 исследованы две усадьбы, где занимались изготовлением гребней из рогов лосей [28, с. 69–78]. В одной из ям на поселении Ксизово-16 найдена серия пластин из рога – деталей сложных луков и их заготовок [29, с. 19–21]. Они свидетельствуют, что на этом поселении изготавливались или, по крайней мере, ремонтировались луки.

Некоторые виды ремесел демонстрируют распространение на север южных технологий. В упоминавшемся выше горне из Ксизово-19 обжигалась сероглиняная керамика с плотным тестом, как с лощенной, так и с шероховатой поверхностью, изготовленная на круге быстрого вращения. Набор посуды, состоящий из пифосов, кувшинов, мисок и горшков, своеобразен (рис. 3,1–4), но ряд сосудов по форме и орнаментации имеет аналогии в позднеантичных Пантикапее, Фанагории, Танаисе на востоке Причерноморья и в Ятруссе на западе [28, с. 153, 154; 29, с. 103, 104]. По характеру обработки поверхности, обжигу и стилю орнаментации гончарная керамика из Ксизово восходит к позднеантичным традициям.

Изделия из черного металла по материалам Замятинского археологического комплекса специально исследовала М. М. Толмачева, а результаты были обобщены ею и Р. В. Терпиловским. Замятинские мастера освоили кузнечную сварку металла, цементацию, закалку, плющение в горячем виде. Им были известны цельножелезные и цельносталльные технологические схемы, а также пакет из двух и более полос металла, вварка стальных лезвий в железную основу, наварка железных полос на более мягкое ядро. Применялось дамаскирование и многослойный пакет. Техника изготовления предметов из железа была достаточно сложной. Использовались методы, не только традиционные для культур лесостепной и лесной зоны (например, киевской и позднедьяковской), но и применявшиеся в позднеантичной металлообработке [28, с. 95–103, 140, 141].

Импорт, монеты. Обломки амфор встречены на многих поселениях Верхнего Подонья. Относительно многочисленны они в Ксизово-19, где их доля составляет около 1%. В небольшом количестве найдены фрагменты позднеантичных столовых сосудов (серо- и светлоглиняных, а также краснолаковых). В Ксизово-19 обнаружены обломки двух сероглиняных гончарных светильников (рис. 2,15) [29, с. 104].

Из поселений и захоронений происходят многочисленные стеклянные бусы. В погребении знатной женщины в Мухино-2, кроме стеклянных, найден выразительный набор янтарных бус [29, с. 241–269; 16, с. 209, 210]. И. А. Сапрыкина, исследовавшая технологию изготовления золотых накладок и других пластинчатых предметов из этого захоронения, пришла к выводу, что эти украшения «являются продукцией позднеантичных боспорских мастерских» [30, с. 176].

На поселениях Ксизово-17 и 19 обнаружены обломки разноцветных стеклянных сосудов [29, с. 35, 162, 163, рис. 34,13; 246]. Из погребения 19 могильника Ксизово-17А происходит целый кубок оливкового цвета на полой ножке, украшенный налепами из синего стекла (рис. 2,16). Аналогии этому сосуду, которые подобрал И. О. Гавритухин, известны на Северном Кавказе, в Крыму, в Италии и во Франции [29, с. 270–273, рис. 296].

В Ксизово-19А найден клад не менее чем из 178 медных боспорских статеров. Они начеканены в последней четверти III – первой трети IV в. Монеты были длительное время в обращении и попали в землю гораздо позже даты их чеканки. Изучавшие этот клад Г. В. Бейдин и К. В. Мызгин пришли к выводу, что по составу и степени сохранности монет этот комплекс сопоставим с кладами Боспора, сокрытыми не ранее гуннского времени. В Ксизово-19 найдены еще две боспорские монеты [29, с. 78, 165–180]. Отмечу, что медные монеты не могли иметь ценности в качестве изделий из металла вне зоны их обращения. Это – не золото и не серебро. Скорее всего, клад представлял собой оборотные средства, предназначенные для торговых операций на Боспоре.

Экзотической является находка соплодия инжира в заполнении коллективного погребения в Ксизово-19 (заключение Е. Ю. Лебедевой) [29, с. 365–367].

Таким образом, импортные предметы на памятниках гуннского времени весьма многочисленны. Они концентрируются на Острой Луке Дона.

Присутствие населения. Прямое проникновение в лесостепное Подонье причерноморского населения (в широком смысле этого понятия, включающего юг Восточной Европы, Крым и Северный Кавказ) демонстрируют три погребения.

Первое из них (объект 1 Ксизово-19) представляло собой коллективное захоронение в овальной яме, совершенное в несколько этапов. В Верхнем Подонье ни в предшествовавшее, ни в последующее время подобные захоронения не известны. Коллективные погребения в склепах, больших ямах и катакомбах в римское время и эпоху Великого переселения народов распространены в Крыму и на Северном Кавказе.

Во втором захоронении (погребение 13 Ксизово-19) относительно неплохо сохранились детали женского головного убора, позволяющие сделать его реконструкцию. Этот убор хорошо известен в позднеантичной Европе, имеются скульптурные изображения [20, с. 449, 450, рис. 5–8].

В комплекс погребения в Мухино, кроме золотых бляшек боспорского производства, входит лепной лощеный ребристый кувшин с раструбообразным горлом (рис. 3,6). В гуннское время аналогии подобным сосудам хорошо известны в Танаисе в устье Дона [20, с. 450, 451, рис. 3,1].

Позднеантичные технологии в кузнечном и гончарном ремеслах Острой Луки Дона, разумеется, не могли быть переданы верхнедонскому населению иначе, чем при прямых контактах мастеров.

В более ранний вал на городище Чертовицкое Третье в гуннское время был впущен двухкамерный дом с каменными стенами и купольной печью, который для верхнедонского домостроительства уникален. И. В. Зиньковская отметила, что подобные сооружения с печами типичны для Танаиса гуннского периода [11, с. 22].

На некоторых памятниках Верхнего Подонья (Мухино-2, Каменка, Чертовицкое-6, Ксизово-17А, Ксизово-19, Замятино-8) найдены лепные сосуды, как правило, лощеные: ребристые кувшины, аналогичные мухинскому, округлободий кувшин с коленчатой ручкой, обломки мисок с каннелюрами по ребру (рис. 3,5,6). Аналогии этим сосудам также происходят из Танаиса гуннского времени [20, с. 450, 451].

Миска с ручкой из Ксизово-19 имеет параллели среди лепной лощеной керамики IV в. из крымских могильников Дружное и Нейзац [29, с. 103]. Почеркну, что речь идет не о гончарной керамике массового производства, а о лепной посуде.

Сведений о присутствии в Верхнем Подонье окского по происхождению населения также достаточно много.

Практически на всех поселениях типа Чертовицкое-Замятино, в т.ч. и на расположенных на Острой Луке Дона, встречены лепные горшки, по форме и орнаментации характерные для мощинской, рязано-окской и позднедьяковской культур. Достаточно часты и лощеные миски, в основном, мощинских типов. В мощинской культуре находят параллели низкие биконические пряслица с очень

широкими отверстиями, а в Ксизово-19 найден грузик дьякова типа [28, с. 150–152; 29, с. 98, 99, 297].

Для окского круга культур характерны и некоторые украшения из Верхнего Подонья (рис. 2,7–10). Наиболее полный список этих вещей приводится в издании [25, с. 497, 498, 502]. Они найдены на поселениях Ксизово-8, 17, 19, Каменка, Мухино-2, Балахна, Юрьево-1, Чертовицкое-3, Крутогорье, Замятино-5, Тюнино, Первое Мая-6. Большинство из этих поселений расположены на Острой Луке Дона.

Таким образом, лесостепное Подонье и, в первую очередь, поселки на Острой Луке Дона, были местом прямых контактов окского и причерноморского населения.

Украшения по оси юг Восточной Европы – Верхнее Подонье – Ока. Большинство украшений Верхнего Подонья в начале эпохи Великого переселения народов имеют широкие ареалы. Тем не менее, известен ряд относительно массовых изделий, характер распространения которых своеобразен.

Железных и бронзовых подвязных или со сплошным приемником фибул с широким кольцом или муфтой для крепления пружины, с прогнутым в верхней части корпусом на памятниках Верхнего Подонья обнаружено 40 экз. (рис. 2,1,2) (список см. в: [25, с. 496]). И. О. Гавритухин среди застеек со сплошным приемником этой группы выделяет специфическую донскую серию, а с подвязным – верхнедонской вариант [10, с. 232, 233]. По его наблюдениям, фибулы с широким кольцом, кроме Верхнего Подонья, в гуннское время распространены в Нижнем Подунавье, но, преимущественно, на Северном Кавказе, включая причерноморское побережье, в Закавказье, в Крыму [29, с. 217–226]. А. В. Мастыкова добавляет к этому ареалу отдельные находки из Южного Приуралья и Прикаспия [15, с. 77, 78].

Столь высокая концентрация фибул этой группы в Верхнем Подонье, сравнительно небольшом регионе, для лесостепи Восточной Европы уникальна. Несомненно, что в этом проявилось влияние причерноморско-кавказской моды.

Похожий ареал имеют браслеты с прямоугольными выступами на концах, по выражению А. В. Мастыковой, напоминающие «капошон кобры» (рис. 2,13). В Верхнем Подонье их обнаружено 4 экз. (Ксизово-19, Нижнее Казачье-10, Животинное, Мухино-2) [25, с. 497]. Отдельные экземпляры подобных браслетов происходят из некрополя позднего Танаиса и с территории Южного Урала, но основная их концентрация отмечена на Северном Кавказе и на прилегающем к нему Черноморском побережье [16, с. 205, 206; 15, с. 78].

Два других типа браслетов – с антропоморфными изображениями на уплощенных окончаниях и с треугольными расплюснутыми концами, орнаментированными рядами прочеканенных ямок (рис. 2,11,14) – в Верхнем Подонье найдены в количестве, соответственно, 9-ти (Ксизово-19, 19А, Мухино-2) и 3 экз. (Ксизово-19А, Замятино-8 и Мухино-2). Они распространены как в культуре рязано-окских могильников, так и в Крыму, на Кавказе, хотя встречаются в Западной Европе, в Малой Азии и Египте [25, с. 497, 498].

Показательно также распространение зеркал типа Х по А. М. Хазанову (подвески с петлей на обороте) (рис. 2,3–5). Ареал этой группы весьма широк, но на поселениях типа Чертовичское-Замятино их обнаружено 39 экз. (Подгорное, Замятино-5 и 8, Ксизово-8, 19А, 19, Тюнино, Балахна) и еще 2 экз. в погребениях круга Животинного (Мухино-2, Ксизово-17) [25, с. 496], что для лесостепной зоны гуннского времени уникально. А. В. Мастыкова обратила внимание на два типа этих зеркал – Карповка – Анке-4 и Чми-Бригецио – Анке-1 по ее классификации. Основная область их распространения, кроме Верхнего Подонья, охватывает Северный Кавказ, Крым, Нижний Дон [15, с. 79, 80].

Двупластинчаные фибулы подгруппы Левице-Токари (рис. 2,17,18) встречаются на широкой территории от Подунавья на западе, Причерноморья на юге и до Верхнего Подонья на востоке, которая по мнению И. О. Гавритухина в эпоху Аттилы и позднее представляла собой политическое и культурное единство [29, с. 204–206]. Он выделил в их составе три серии. Концентрация этих фибул на Острой Луке Дона (24 экз. из 125 известных) указывает на наличие здесь некоего центра их изготовления и распространения [10, с. 223, 230–234, рис. 7, 9, 10].

Маршрут торгового пути. Таким образом, в Верхнем Подонье наблюдается непосредственное присутствие населения с юга Восточной Европы и из бассейна Оки, что способствует распространению с юга на север технологических приемов ремесла, моды на украшения. На наличие торговли указывает концентрация импортных изделий, клад медных боспорских монет. Центром ремесла и торговли были поселения на Острой Луке Дона.

Южную конечную точку маршрута, по всей видимости, представляло собой позднеантичное поселение в Танаисе, главной функцией которого, по мнению большинства исследователей, была торговля. О непосредственном присутствии выходцев из Танаиса в лесостепном Подонье свидетельствуют находки специфической лепной лощеной посуды и двухкамерный дом с каменными стенами на Третьем Чертовичском городище. В самом Танаисе встречена небольшая серия лепных биконических горшков, в т.ч. и с насечками по венчику. Ближайшей к Танаису территорией, где в гуннское время распространена подобная керамика, является Верхнее Подонье. Там она относится к киевской традиции [18, с. 64, 65, рис. 3,8–11].

Укрепленное поселение в Танаисе после перерыва, последовавшего за разгромом города в середине III в., было построено заново в начале гуннского времени и существовало как минимум до середины V в., а возможно, судя по находке матрицы для изготовления бляшек шиповского стиля, и несколько дольше [19].

Северной конечной точкой маршрута, по имеющимся данным, могло быть селище Упа-2 – Криволучье, которое расположено на окраине современного г. Тула. Это обширное поселение находится на территории мощинской культуры, но по составу археологического комплекса сильно отличается от ее памятников. Кроме местного мощинского, здесь выделяется раннеславянский (киевский) и

черняховский (включая керамику скифо-сарматской и вельбарской традиций, пряслице с рельефной орнаментацией) компоненты. На памятнике найдена также серия вещей южного происхождения – обломки серьги с полиэдрическим окончанием, фрагмент зеркала типа Карповка – Анке-4. Набор бус из Упы-2 по заключению О. С. Румянцевой близок к распространенному на памятниках Верхнего Дона типа Чертовицкое-Замятино. Большинство вещей, найденных на селище, относятся к гуннскому времени, хотя встречены более ранние и более поздние предметы. На поселении обнаружено 6 медных римских монет от Константина I до Гонория общим хронологическим диапазоном 328–395 гг. [7, с. 299, 300; 6, с. 246, 254, 255].

Торговый путь, по всей видимости, проходил по Дону с выходом на р. Упа в бассейне Оки (рис. 7).

Раннее средневековье (VI–VII вв.)

В диапазоне конца V – начала VI в. (в допустимых широких рамках) на территории Верхнего Подонья происходили какие-то катастрофические события, причины которых пока не ясны. В результате их памятники типа Чертовицкое-Замятино в долине Дона, нижнем и среднем течении р. Воронеж прекратили свое существование, включая крупные поселения на Острой Луке. Перестали функционировать и могильники круга Животинное. Локализация населения меняется. Оно сосредотачивается в верхнем течении Воронежа, где памятники типа Чертовицкое-Замятино гуннского времени пока не известны. На самом Дону встречены пока лишь отдельные немногочисленные находки VI–VII вв.

Территория раннесредневековых памятников, центр. В настоящее время с определенностью к раннему средневековью (конец V – VII в.) в Верхнем Подонье можно отнести 16 памятников и серию случайных находок (рис. 4). Все поселения – неукрепленные. Могильники пока не открыты. Изученные раскопками памятники относятся к верхневоронежской культурной группе, в которой выделяются древности двух типологических линий – круга Ярок и Кривец. К теме статьи имеют отношения памятники типа Ярок.

подавляющее большинство из них бедны находками, видимо, эти поселения были относительно кратковременными. Обычно встречается лепная керамика, изделия из металла единичны. По имеющимся данным, на этих поселениях могли находиться от одной до двух усадеб. Гораздо большие размеры имеет комплекс селищ у с. Стаево (Стаево-3, 4, 5) Мичуринского р-на Тамбовской обл., расположенный неподалеку от истоков р. Воронеж, который, видимо, представлял собой единый поселок. Общая его площадь составляет 9,2 га, т.е. он был самой крупной агломерацией в регионе. Поселок эпохи раннего средневековья имеет ярко выраженный торгово-ремесленный характер [25, с. 509, 510].

Ремесло. Остатки ремесленной деятельности достаточно многочисленны, причем на тех или иных участках поселка наблюдается разная специализация мастеров. В Стаево-4 (центральный участок, в 2015–2016 гг. вскрыто 644 м²) культурный слой

обильно насыщен остатками производства черного металла (кусками железной руды и шлаками). Здесь же исследована хозяйственная постройка-полуземлянка с печью для приготовления шихты [22, с. 361–364].

В Стаево-5 (западный участок поселка) в 2016–2020 гг. вскрыто 1892 м² и изучены три площадки, на которых работали мастера-бронзолитейщики. Каждая из них представляла собой навес или легкую постройку с очагами или небольшими печами, ямами для брака и хранилищами специально помещенной в ямы глины, очевидно, для изготовления тиглей и литейных форм. Литьем бронзы занимались также на территории восточной усадьбы, где для этого использовался бытовой очаг.

На поселении обнаружены фрагменты глиняных тиглей (645 экз.) и 5 целых предметов, 190 выплесков бронзы, маленькие слитки бронзы и серебра, 235 обрезков бронзовых пластин разной толщины, два куса свинцовой пластинки. Сырьем служили многочисленные обломки вещей, преимущественно, из бронзы, в меньшем количестве из серебра, бронзовые прутики, обрубков которых найдено более 90 экз., а также три целых изделия (рис. 5, I).

Массовым было производство изделий из черного металла. В Стаево-4 найдено 46, а в Стаево-5 на 2019 г. 252 железных изделия различного назначения – оружие, орудия труда, бытовые предметы и др. В таком количестве они не встречены ни на одном из верхнедонских поселений.

Из Стаево-4 происходят 12 железных инструментов, а из Стаево-5 – 83 экз. Эта коллекция уникальна и на памятниках раннего средневековья Восточной Европы не имеет себе равных. Некоторые из инструментов предназначались для работы по дереву и для бытовых нужд («ложкорез», игла, стамески, прямой резец и др.). Универсальное назначение имели большие пробойники и клещи. Кричные молотки применялись в кузнечном ремесле. Прочие инструменты, с большой долей вероятности, использовались ювелирами [34, с. 131-135].

Таким образом, население Стаево занималось добычей и обработкой черного металла, а также ювелирным ремеслом.

Торговля. О занятии торговлей обитателей поселка у с. Стаево свидетельствует ряд признаков. Уже упоминавшиеся выше прутики представляли собой слитки бронзы, которым была придана стандартизированная форма. В гуннское время в Верхнем Подонье они не известны. В V–VII вв. слитки-прутики встречены в некоторых кладах «древностей антов» первой группы по О. А. Щегловой, на ряде поселений финала киевской, пеньковской и пражской культур, причем на пражских памятниках найдены формочки, предположительно предназначенные для изготовления подобных предметов [5, с. 123].

Тем не менее, все эти вещи единичны. В таком количестве, как в Стаево-5, обломки слитков-прутиков не обнаружены нигде.

Большинство украшений и деталей ременной гарнитуры, в т.ч. и сломанные, предназначенные для переплавки, имеют южное происхождение (Крым, Кавказ, Северо-Восточное Причерноморье) или демонстрируют связи верхнедонского

населения с этими территориями. Серьги с полиэдрическими окончаниями (например, рис. 5,8,9) представляют собой упрощенные литые имитации южных образцов, которые были изготовлены в довольно сложной технике [27, с. 311–315]. В причерноморской стилистике выполнены имеющие дунайские прототипы пальчатые фибулы с ромбами на ножке (по терминологии И. О. Гавритухина) (рис. 5,2) из Стаево-4 и 5 [9, с. 153–159].

Показательны находки в Стаево зеркал с петлей на обороте (26 экз.) (рис. 5,14,15), концентрация которых наблюдается на юге Восточной Европы. По заключению А. В. Мастыковой, большинство этих изделий относятся к типам Карповка – Анке-4 и Чми-Бригечио – Анке-1 (как в Верхнем Подонье в предшествующее гуннское время). В VI–VII вв. в лесостепи к западу от Волги они известны только в Стаево [14; 15, с. 79–81].

Другим источником поступления бронзы была, очевидно, степная зона. В Стаево-5 в 2016–2019 гг. обнаружено не менее 19-ти обломков котлов (рис. 5,10–12) с имеющими каверны толстыми стенками, иногда с рельефной орнаментацией, которые указывают на принадлежность их к гуннским типам (по определению С. В. Демиденко) [25, с. 512].

В Стаево-5 была найдена византийская гирька-экзагий для взвешивания золотой монеты – одного солида (рис. 5,21). Судя по ее весу, она относится ко времени не ранее VII в. [27, с. 318–320]. В Стаево-4 и 5 обнаружены также некоторые изделия, которые могут интерпретироваться как детали неравноплечих весов (два железных коромысла, крючок с шарниром, свинцовые грузики). Железная фибула византийского круга (рис. 5,23) происходит с поселения Стаево-5, а фрагмент бронзовой (рис. 5,24) – из Стаево-4 [анalogии см.: 8, с. 43, 44, 58, рис. 4,16; 5,100-2; 112-4,5; 154-2; 8,15,16; 9,10,11].

На поселении Красный Городок-2 найден «медный византийский фоллис, чеканенный в 590-х гг. при императоре Маврикии в Херсонесе» [2, с. 23]. Медный фоллис Юстиниана I, начеканенный в 533–537 гг. в Теуполисе (определение В. В. Гуровой) найден в 2022 г. в Стаево-5.

Таким образом, торгово-ремесленный характер раннесредневекового поселка у с. Стаево очевиден. В этом отношении интересно наблюдение Е. Ю. Лебедевой, что в Стаево имеются зерна культурных растений, но отсутствуют остатки их обмолота. Не исключено, что население поселка получало зерно в обмен на продукцию ремесел [34, Глава 12].

Состав населения и его связи. Массовое производство ремесленной продукции, естественно, должно быть ориентировано на сбыт. Напрашивается предположение, что мастера из Стаево обеспечивали своими изделиями население Верхнего Подонья. К сожалению, при современном состоянии источников однозначно подтвердить или опровергнуть его невозможно: слишком небольшое количество рядовых поселений линии Ярок раскопано. Тем не менее, я склоняюсь к мысли, что главным адресатом ремесленников, работавших в стаевских мастерских, местное

население не было. Как уже было отмечено выше, раннесредневековых поселений в Верхнем Подонье даже по разведкам известно очень мало, и они, скорее всего, были кратковременными. Кроме того, на некоторых из них зафиксированы следы собственных ремесел (в Капитанщино-6 – черной металлургии, в Мухино-2 и, возможно, в Стаево-10 – бронзолитейного, в Красном Городке-4 – косторезного и по изготовлению каменных жерновов) [31; 26, с. 157; 25, с. 522, 523], которые явно были ориентированы на эти небольшие поселки. Мастера из Стаево, вероятнее всего, работали, преимущественно, на внешний заказ. Кем же могли быть эти заказчики?

В этом отношении показательно ювелирное ремесло. Судя по находкам матриц и брака, в Стаево-5 изготавливали пальчатые фибулы (рис. 5,2) и детали ременной гарнитуры геральдического стиля (рис. 5,3–7), причем последние – как в технике литья, так и тиснения. С этого же памятника происходят заготовки браслетов нескольких типов (рис. 5,19,20) и серьги с полиэдрическими окончаниями (рис. 5,8,9), которые, по всей видимости, также были местной продукцией.

Фибулы с пятью отростками относятся к обширной группе изделий с ромбами на ножке и радиальными лучами на головной пластине. И. О. Гавритухин в их составе выделяет особую серию Стаево. К сожалению, за пределами этого поселения аналогий им мало. Наиболее близкие происходят из Ольвии, Липецкой и Рязанской обл. [9, с. 146–150, 159], последние, по уточненным данным, найдены на Верхнем Дону около с. Перехваль Данковского р-на Липецкой обл. и у с. Мыс Доброй Надежды Сасовского р-на Рязанской обл. на р. Мокша.

Детали поясов геральдического стиля, матрицы которых происходят из Стаево-5, И. О. Гавритухин отнес к нескольким группам. Горизонтально-симметричные накладки типа Пятра-Фрекэцей – Кугуль (рис. 5,3) встречены от Румынии до Крыма, Северного Кавказа и Абхазии, найдены в степях Причерноморья. Ближайшие аналогии малому наконечнику ремня (рис. 5,6) происходят из Причерноморья и степи. Наконечники другого типа (рис. 5,5) распространены очень широко. Типологически наиболее близкие находки происходят из зоны Аварского каганата в Карпатской котловине и из бассейна р. Белой в Южном Приуралье. Широкие аналогии имеют и щитовидные накладки (рис. 5,4), но при этом в ближайшем с севера от Стаево Окско-Сурском регионе они известны не менее чем в 7 пунктах [34, с. 95–121]. Отмечу, что матрица этой накладки изготовлена именно в Стаево. Она представляет собой первичную отливку, не обработанную после литья.

Из заготовок браслетов показательны антропоморфные (рис. 5,19) той же группы, что и найденные в Ксизово. Они распространены, в основном, на юге Восточной Европы и в Поочье.

Браслеты из дрота с гладкими расплюснутыми концами имеют, как правило, округлый край (Стаево-5 – 4 экз.) (рис. 5,20). В Поочье они входят в состав женского костюма V–VII вв. рязано-окской культуры [4, рис. 4,32,34; 5,53,54; 6,9,11,26]. Встречены подобные браслеты и на памятниках раннего средневековья Северного Кавказа [13, с. 19, 69, рис. 64].

Сказанное выше свидетельствует о наличии связей населения Стаево не только с югом Восточной Европы и степной зоной, но и с бассейном Оки. Соответственно, возникает вопрос, были ли контакты обитателей поселка у Стаево с Поочьем прямыми или опосредованными?

По лепной керамике памятники линии Яроч верхневоронежской группы являются следующим этапом развития (в раннем средневековье) донских древностей типа Чертовицкое-Замятино. Население Верхнего Подонья в VI–VII вв. было полиэтничным. В Стаево и на селищах его округи выделяются три основных компонента: пост-киевский с более ярко, чем в гуннское время, выраженным присутствием сосудов пеньковского керамического набора; пост-черняховский и окский, причем в составе последнего практически исчезли формы лощеных сосудов, специфических для мощинской культуры [24; 25, с. 511].

На памятниках линии Яроч найдена небольшая серия деталей комбинированных украшений (рис. 5,16–18), имеющих аналогии в финском круге культур, в т.ч. и в Поочье (подвески: коробчатые из Стаево-4 и 5, пластинчатая с отверстиями и цилиндрическая из Стаево-4, к накоснику из Яроч-5). К этой же группе относятся и специфические свинцово-оловянистые бляшки с приспособлениями для пришивания на оборотной стороне (рис. 5,22) типа тех, которые найдены на верхнеокских городищах Велегож и Акиньино [25, с. 515; 33, с. 141, 142, рис. 3].

Находки амулетов в виде соляного знака с выступами и изображением человеческого лица (рис. 5,13) концентрируются в Верхнем Подонье, но известны на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Оки [21, с. 132, 133, рис. 14].

Связи, таким образом, были прямыми. Окское население непосредственно присутствовало в Верхнем Подонье.

Маршрут торгового пути. В плане реконструкции торгового пути, который в раннем средневековье проходил через верховья р. Воронеж, важна одна из групп бронзовых антропоморфных амулетов-подвесок. Они представляют собой фигурки мужчин с угловатыми плечами и бедрами, гипертрофированным фаллосом. Большинство из них напоминают две соединенные друг с другом буквы Ш, повернутые основаниями кверху. Д. Б. Шелов объединял их в группу 1 [35, с. 241, 242]. Специальное исследование этих изделий включено в монографию о комплексе памятников в Стаево [34, Приложение 1]. В нем дается история изучения этих вещей, типология, хронология, карта и каталог. На территории Восточной Европы самый ранний амулет известен в одной из построек Танаиса гуннского времени, но широкое их распространение относится к VI – третьей четверти VII в. Показательно, что в Верхнем Подонье на памятниках типа Чертовицкое-Замятино конца IV – V в. такие фигурки не найдены.

Наибольшая концентрация амулетов группы 1 Д. Б. Шелова на территории Восточной Европы отмечена на Боспоре (Европейская и Азиатская части), встречены они в Крыму (как в Юго-Западном, так и в степном), на Северном Кавказе, в степях Причерноморья, в лесостепи Днепровского Левобережья, в Верхнем Подонье, Сред-

нем Поочье, Среднем Поволжье. Ранее мною было высказано предположение, что эти амулеты с достаточно отчетливой иконографией показывали принадлежность их владельцев (или членов их семей) к особой культовой группе мобильного населения, вероятно, купцам [23].

Карта на рис. 6 демонстрирует, что основная линия распространения этих амулетов проходит с юга (от Крыма и Азиатского Боспора) на север до Оки. Показательно, что на севере их максимальная концентрация отмечена в трех регионах – в Стаево в верховьях Воронежа (7 экз.), на Средней Оке около райцентра Шилово Рязанской обл. (не менее 5 экз.), на Самарской Луке Волги (4 экз.). Распространение амулетов группы 1 Д. Б. Шелова в Восточной Европе, таким образом, объединяет регионы, с которыми наблюдаются связи у населения Стаево по другим отмеченным выше признакам – с югом, включая степи, с лесостепным Поднепровьем и с Поочьем.

Таким образом, можно предположить, что в раннем средневековье окско-причерноморский торговый путь сохранил свое общее направление, но маршрут его существенно изменился. Начальной его точкой, судя по повышенной концентрации антропоморфных амулетов-подвесок, становится Боспор. Промежуточный центр в лесостепном Подонье переносится в верховья р. Воронеж (Стаево). Конечным пунктом, вероятно, была территория культуры рязано-окских могильников. В бассейне Оки хорошо известны находки византийских вещей (фибул, пряжек, монет, свинцовых медальонов) [3, с. 64–70; 1, с. 260–262, рис. 1,1–2]. Поселок у с. Стаево, вероятно, был базой для распространения не только византийских, но и вообще южных вещей в Поочье. Не исключено, что этот путь имел ответвление на Самарскую Луку Волги (рис. 7).

А. В. Мاستыкова считает, что отмеченная ею определенная нивелировка культуры оседлого населения гуннского времени и раннего средневековья от Дуная до Южного Урала была вызвана не столько торговыми связями, сколько имитациями представительницами «среднего класса» костюма знати и депортациями населения завоевателями для разных нужд [15, с. 84, 85]. Мне кажется, что одно не противоречит другому. Преднамеренная концентрация подвластного населения может быть вызвана, кроме прочего, и необходимостью контроля за торговым путем и получаемыми от него доходами.

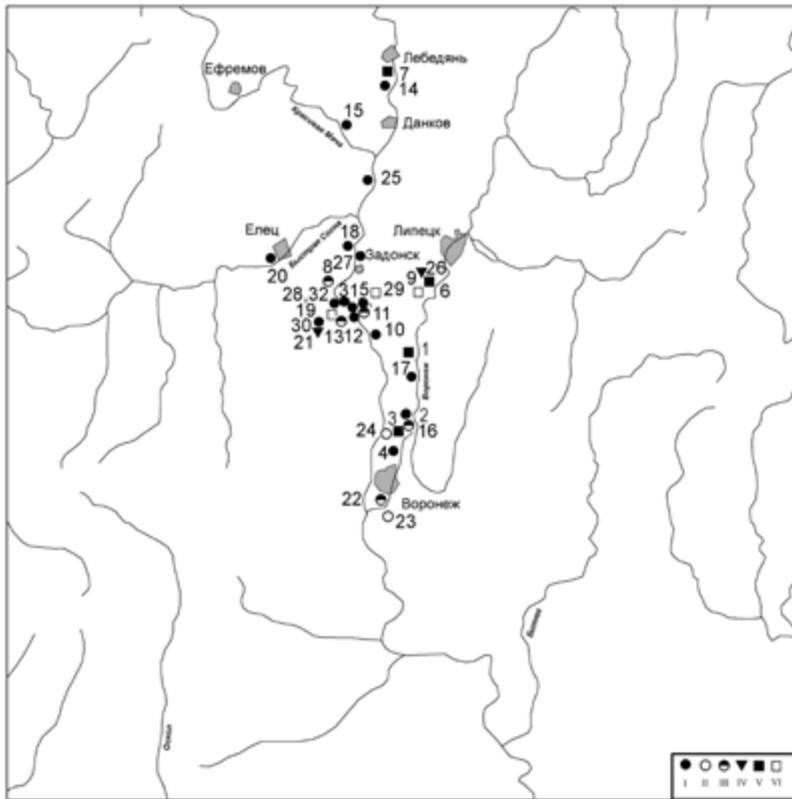

Рис. 1. Памятники конца IV – V в. Верхнего Подонья [по: 25, рис. 32]: I – поселения типа Чертовиковое-Замятино; II – могильники с ингумациями и отдельные погребения типа Животинное; III – могильник / отдельные погребения и поселение; IV – случайная находка; V – городище со слоями гуннского времени; VI – городище с укреплениями гуннского времени
 1 – Подгорное; 2 – Староживотинное-3; 3 – Чертовиковое-3; 4 – Чертовиковое-6; 5 – Замятино-1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13; 6 – Малый Липяг; 7 – Перехваль-1; 8 – Каменка-1, 4, 5, 8; 9 – Крутогорье; 10 – Елец-Маланино 1; 11 – Ксизово-16, 17, 19, 19А, Острая Лука-4; 12 – Ксизово-5, 6, 8, 18, Ксизово южное; 13 – Мухино-2, 7; 14 – Лес Озерки; 15 – Коллектив; 16 – Животинное; 17 – Пекшево; 18 – Небезеколодезное; 19 – Мухино-9, 10, городище; 20 – Лавы; 21 – Ольшанец; 22 – Стрельбище-4; 23 – Шилово; 24 – Ямное; 25 – Яблонново-4; 26 – Первое Мая-6; 27 – Тюнино; 28 – Нижнее Казачье-10; 29 – Верхнее Казачье; 30 – Балахна; 31 – Замятино-17; 32 – Юрьево-1

Fig. 1. The late fourth- to seventh-century sites in the Upper Don area [according to: 25, Fig. 32]: I – settlements of the Chertovitskoe – Zamiatino type; II – cemeteries with inhumations and separate burials of the Zhihotinnoe type; III – cemetery / separate burials and settlement; IV – chance find; V – settlement with the layers from the Hunnic Period; VI – settlement with fortifications from the Hunnic Period

1 – Podgornoe; 2 – Starozhihotinnoe-3; 3 – Chertovitskoe-3; 4 – Chertovitskoe-6; 5 – Zamiatino-1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13; 6 – Malyi Lipiag; 7 – Perekhval'-1; 8 – Kamenka-1, 4, 5, 8; 9 – Krutogor'e; 10 – Elets-Malano 1; 11 – Ksizovo-16, 17, 19, 19A, Ostraiia Bend-4; 12 – Ksizovo-5, 6, 8, 18, Ksizovo Iuzhnoe; 13 – Mukhino-2, 7; 14 – Ozerki Forest; 15 – Kollektiv; 16 – Zhihotinnoe; 17 – Pekshevo; 18 – Nevezhekolodeznoe; 19 – Mukhino-9, 10, fortified settlement; 20 – Lavy; 21 – Ol'shanets; 22 – Strel'bishche-4; 23 – Shilovo; 24 – Yamnoe; 25 – Iablonovo-4; 26 – Pervoe Maia-6; 27 – Tiunino; 28 – Nizhnee Kazach'e-10; 29 – Verkhnee Kazach'e; 30 – Balakhna; 31 – Zamiatino-17; 32 – Iur'evo-1

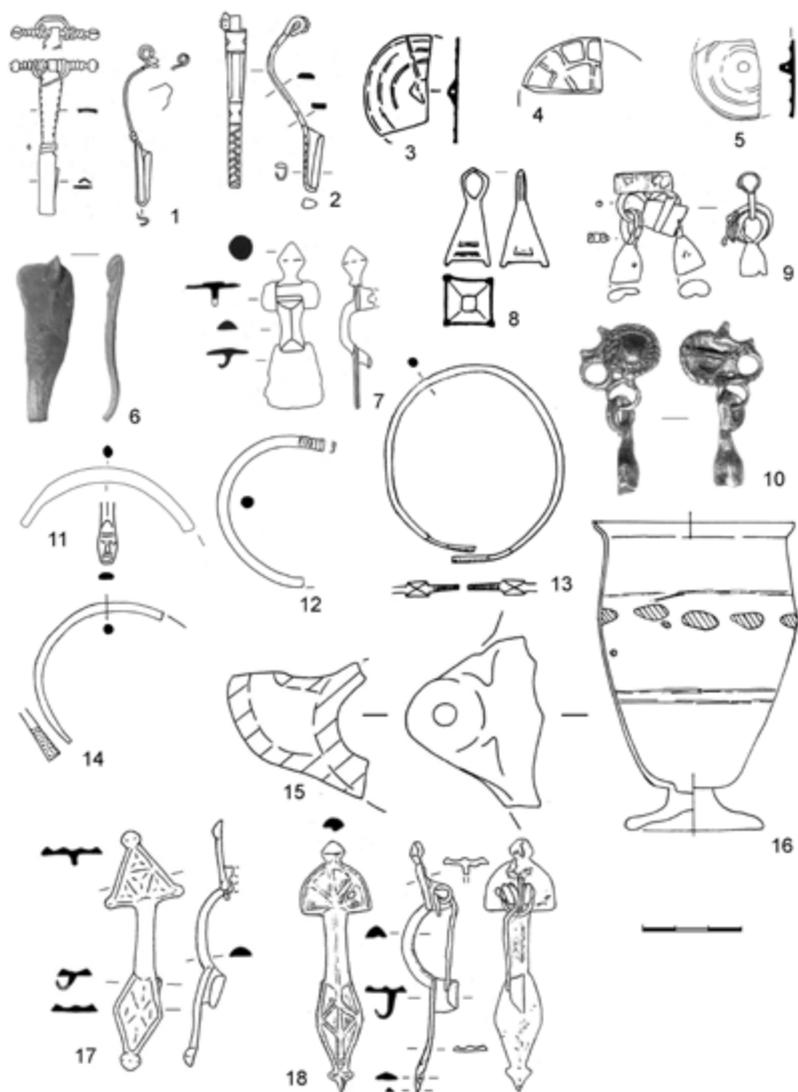

Рис. 2. Материалы конца IV – V в. из Верхнего Подонья [по: 25, рис. 38.1,3; 41,15,17,18; 46,4,7,8; 47,3; 48,5,6; 49,2,3,5,6; 59,2,9,10]

1, 2, 6–14, 17, 18 – бронза; 3–5 – светло-серый сплав; 15 – глина; 16 – стекло. 1, 2, 5, 11, 12, 14, 15, 17 – Ксизово-19; 3 – Подгорное; 4 – Замятино-8; 6 – окрестности с. Мухино; 7 – Тюнино; 8 – Замятино-5; 9 – Каменка; 10 – Первое Мая-6; 13 – Животинное; 16 – Ксизово-17; 18 – Ксизово-8. Рисунки и фото: 1–3, 7, 9, 16–18 – И. О. Гавритухина; 4–6, 11–15 – А. М. Обломского; 8 – И. Е. Бирюкова; 10 – А. В. Ерохина

Fig. 2. The late fourth- and fifth-century materials from the Upper Don area [according to: 25, Fig. 38.1, 3; 41. 15, 17, 18; 46. 4, 7, 8; 47. 3; 48. 5, 6; 49. 2, 3, 5, 6; 59. 2, 9, 10]

1, 2, 6–14, 17, 18 – bronze; 3–5 – light gray alloy; 15 – clay; 16 – glass. 1, 2, 5, 11, 12, 14, 15, 17 – Ksizovo-19; 3 – Podgornoe; 4 – Zamiatino-8; 6 – the vicinity of the village of Mukhino; 7 – Tiunino; 8 – Zamiatino-5; 9 – Kamenka; 10 – Pervoe Maia-6; 13 – Zhitovinnoe; 16 – Ksizovo-17; 18 – Ksizovo-8. Drawings and photos: 1–3, 7, 9, 16–18 – I. O. Gavritukhin; 4–6, 11–15 – A. M. Oblomskii; 8 – I. E. Biriukov; 10 – A. V. Erokhin

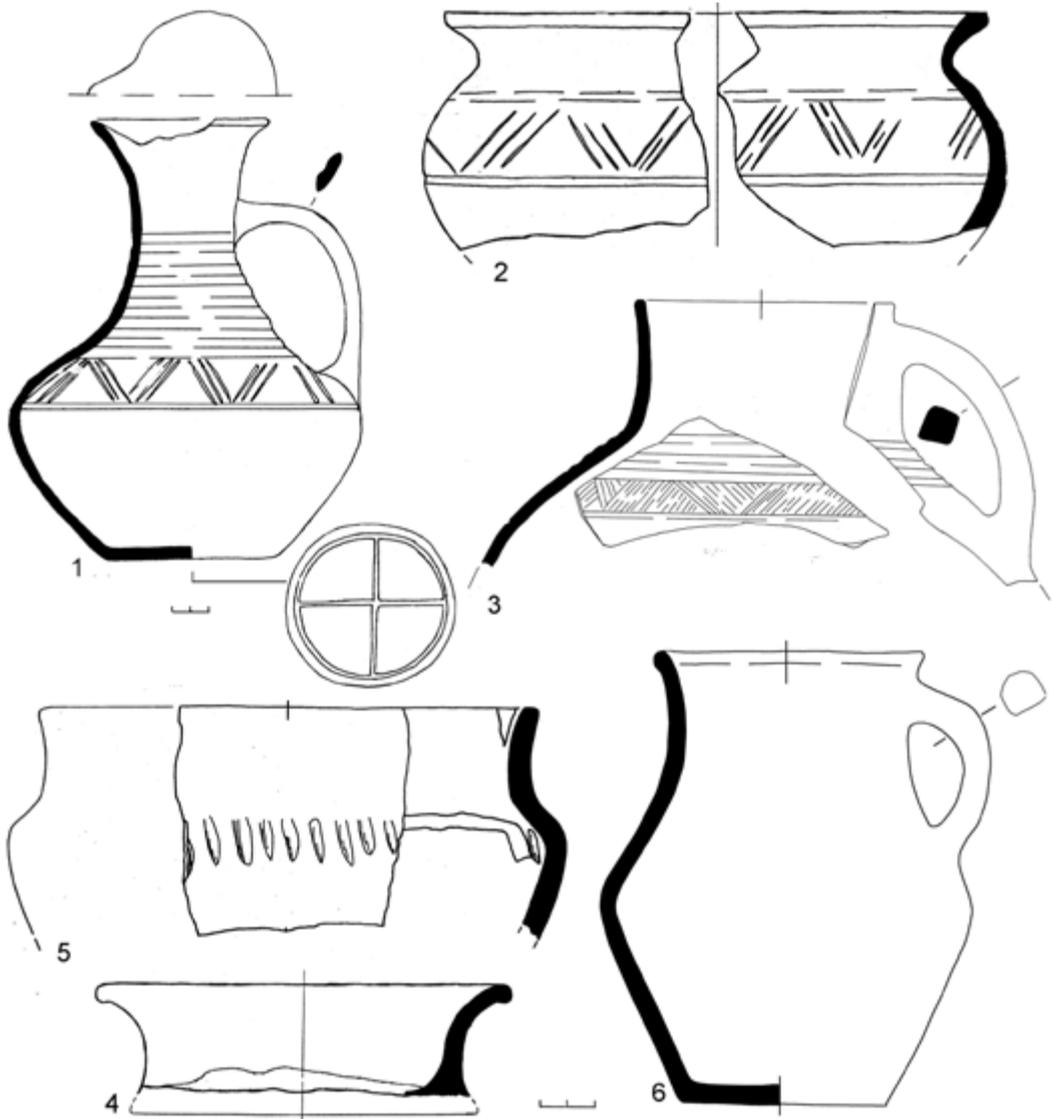

Рис. 3. Образцы столовой керамики памятников Верхнего Подонья конца IV – V в. [по: 25, рис. 35,2,8,11,12; 63,1,6]

1–4 – сероглиняная гончарная (1, 2 – с лощеной поверхностью; 3 – с шероховатой поверхностью; 4 – с подлощенной поверхностью); 5, 6 – лепная керамика с лощеной поверхностью. 1 – Животинное; 2 – Замятино-8; 3, 4 – Ксизово-19; 5 – Мухино-2, поселение; 6 – Мухино-2, погребение. Рисунки: 5 – Г. Л. Земцова; остальные – А. М. Обломского

Fig. 3. Table ware samples from the late fourth- and fifth-century sites in the Upper Don area [according to: 25, Fig. 35. 2, 8, 11, 12; 63. 1, 6]

1–4 – gray clay wheel-made pottery (1, 2 – with polished surface; 3 – with rough surface; 4 – with flattened surface); 5, 6 – hand-made polished ware. 1 – Zhihotinnoe; 2 – Zamiatino-8; 3, 4 – Ksizovo-19; 5 – Mukhino-2, settlement; 6 – Mukhino-2, burial. Drawings: 5 – G. L. Zemtsov; the rest – A. M. Oblomskii

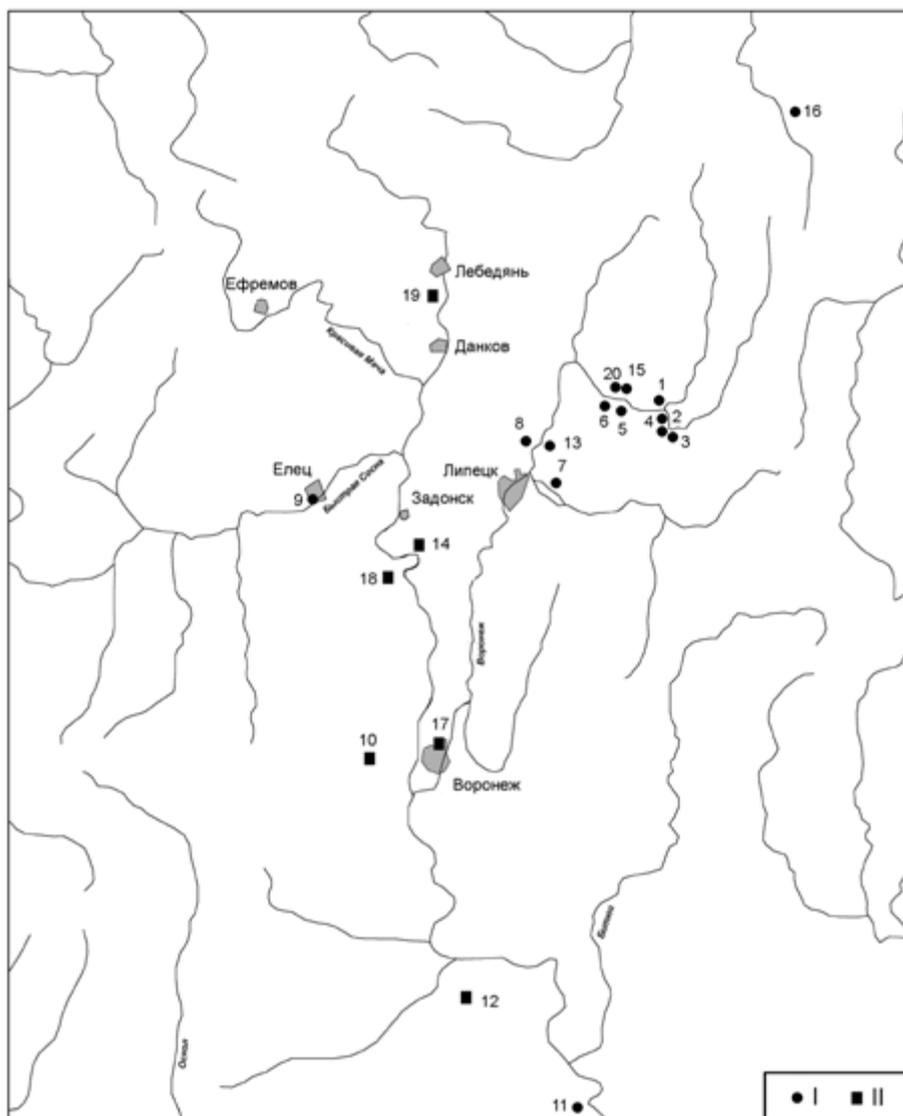

Рис. 4. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья (верхневоронежская группа и случайные находки) [по: 25, рис. 66]: I – поселение; II – случайная находка; 1 – Стаево-3, 4, 5; 2 – Красный Городок-2; 3 – Красный Городок-4; 4 – Новоникольское-8; 5 – Яр-9; 6 – Кривец-4; 7 – Ярлуково; 8 – Большая Кузьминка-4А; 9 – Елец, Лавский комплекс; 10 – р. Ведуга; 11 – Терешковский вал; 12 – Острогожский клад; 13 – Капитаншино-6; 14 – Уткино; 15 – Яр-5; 16 – Коровий Брод; 17 – г. Воронеж; 18 – Мухино-2; 19 – Лес Озерки; 20 – Яр-10

Fig. 4. Early mediaeval sites of the Upper Don area (the Upper Voronezh group and chance finds) [according to: 25, Fig. 66]: I – settlement; II – chance find; 1 – Staevo-3, 4, 5; 2 – Krasnyi Gorodok-2; 3 – Krasnyi Gorodok-4; 4 – Novonikolskoe-8; 5 – Iarok-9; 6 – Krivets-4; 7 – Iarlukovo; 8 – Bolshaia Kuzminka-4A; 9 – Elets, Lavskii complex; 10 – Veduga river; 11 – Tereshkovskii Val; 12 – Ostrogzhskii hoard; 13 – Kapitanshchino-6; 14 – Utkino; 15 – Iarok-5; 16 – Korovii Brod; 17 – Voronezh; 18 – Mukhino-2; 19 – Ozerki forest; 20 – Iarok-10

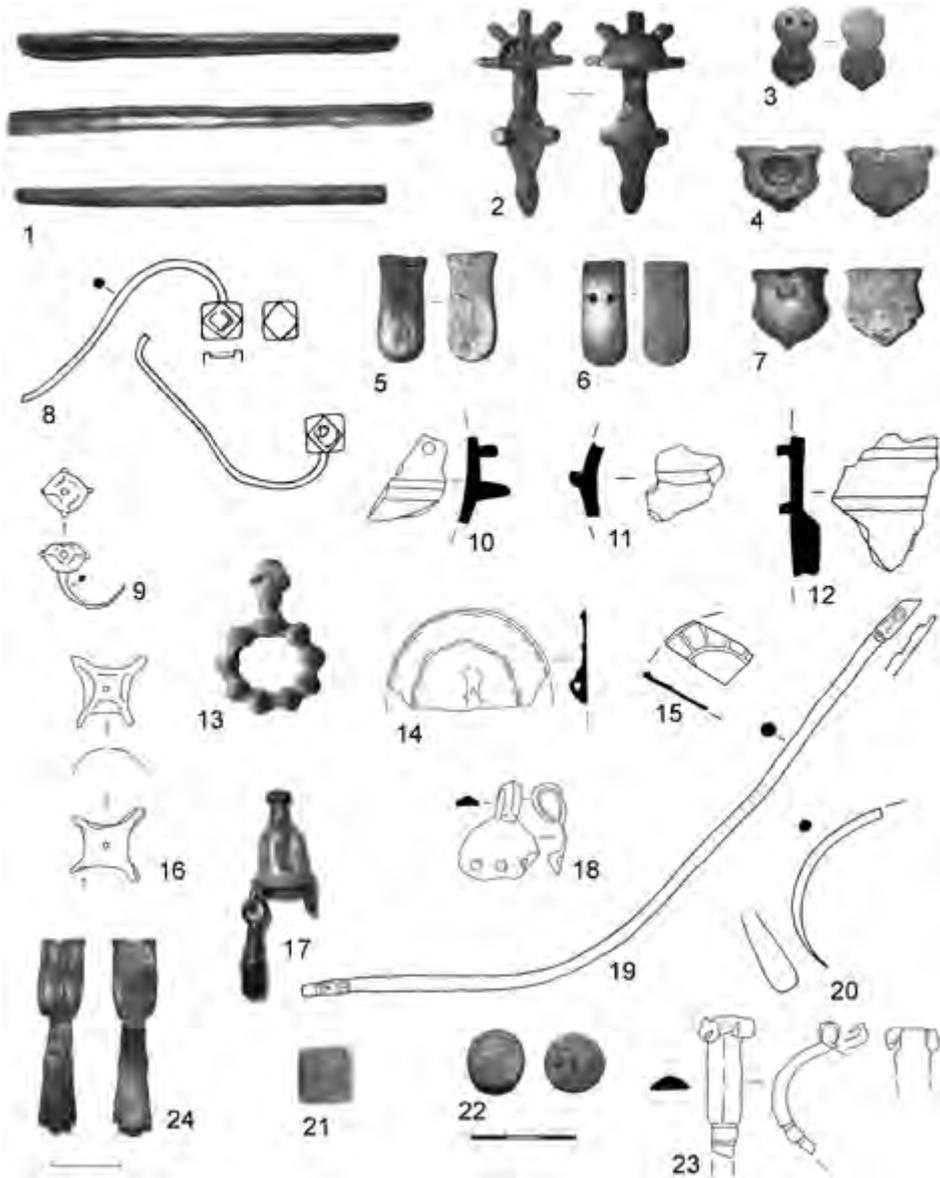

Рис. 5. Верхнее Подонье, материалы раннего средневековья [по: 25, рис. 71,1,3-7; 80,8-11; 81,5,15; 86,6; 88,1,6,10,14; 89,1,5,6,8; 92,5,7]
 1-13, 16, 18-21, 24 – бронза; 14, 15, 17 – светло-серый сплав; 22 – свинцово-оловянистый сплав; 23 – железо. 1-8, 10-12, 14, 15, 19-23 – Стаево-5; 9, 13 – Ярок-9; 16, 18, 24 – Стаево-4; 17 – Ярок-5. Рисунки и фото А. М. Обломского

Fig. 5. Upper Don area, the early mediaeval materials [according to: 25, Fig. 71. 1, 3-7; 80. 8-11; 81. 5, 15; 86. 6; 88. 1, 6, 10, 14; 89. 1, 5, 6, 8; 92. 5, 7]
 1-13, 16, 18-21, 24 – bronze; 14, 15, 17 – light grey alloy; 22 – lead-tin alloy; 23 – iron. 1-8, 10-12, 14, 15, 19-23 – Staevo-5; 9, 13 – Iarok-9; 16, 18, 24 – Staevo-4; 17 – Iarok-5. Drawings and photos by A. M. Oblomskii

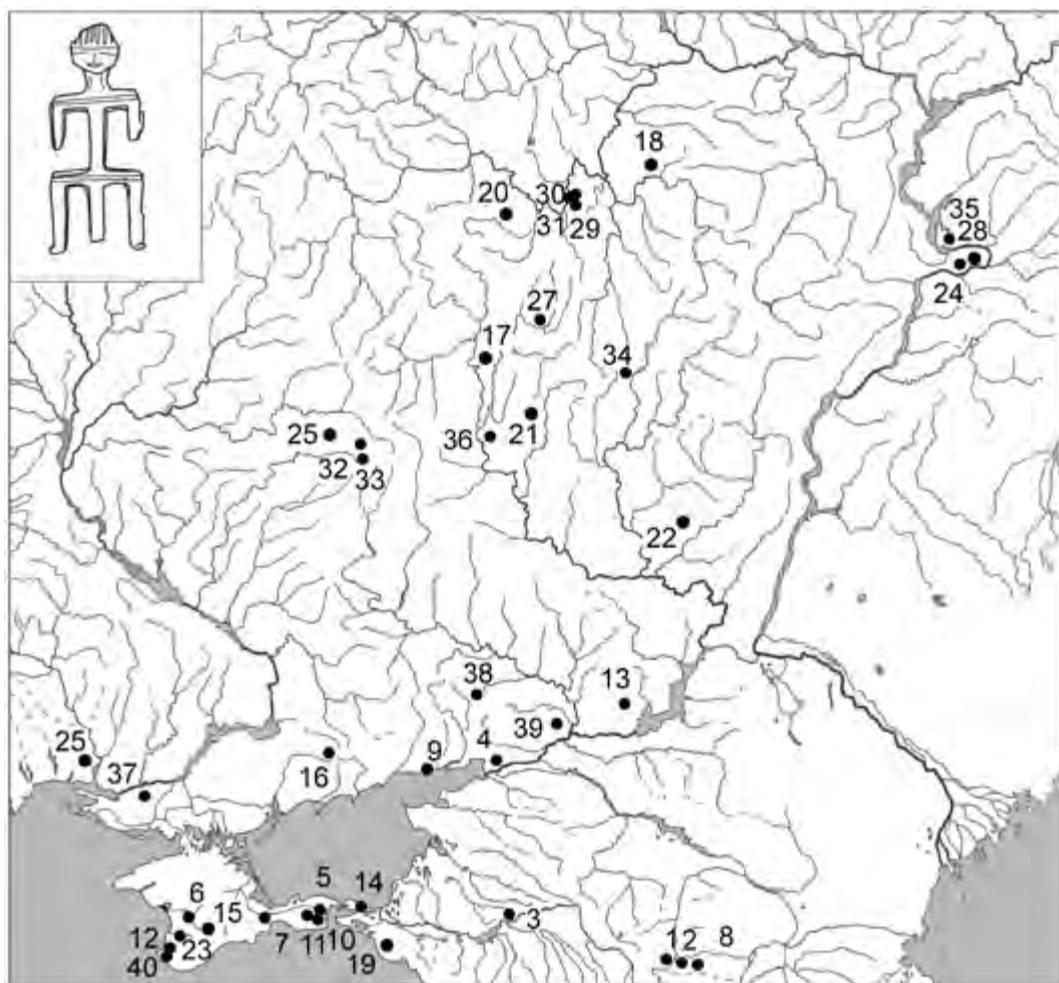

Рис. 6. Карта распространения антропоморфных амулетов типа 1 по Д. Б. Шелову на территории Восточной Европы [по: 23; 34, приложение 1]: 1 – Лермонтовская скала 2; 2 – Мокрая Балка; 3 – Пашковский-1; 4 – Танаис; 5 – Керчь; 6 – Чуфут-Кале; 7 – Айвазовское; 8 – р. Подкумок, окрестности Кисловодска; 9 – Белосарайская коса; 10 – Тиритака; 11 – Сююр-Таш; 12 – Херсонес; 13 – Филипповская; 14 – Ильичевское городище; 15 – Горный Крым; 16 – Алексеевка; 17 – устье р. Репец (Уткино); 18 – р. Мокша, Рязанская обл.; 19 – Анапа; 20 – Пронск, окрестности; 21 – р. Битюг, Воронежская обл.; 22 – Волково; 23 – Карши-Баир; 24 – Шелехметь; 25 – Николаев; 26 – Сумы; 27 – Стаево-5; 28 – Мордово; 29 – Борок; 30 – Ерахтур; 31 – Нармушадь; 32 – Прозовское городище; 33 – Белгородская или Сумская обл., их пограничье; 34 – Малые Алабухи Первые; 35 – Тольятти; 36 – Тимирязево; 37 – Алешковские пески; 38 – Марьинка; 39 – Нижнекундрюченская; 40 – Севастополь

Fig. 6. Distribution map of the of anthropomorphic amulets of D. B. Shelov's type 1 in Eastern Europe [according to: 23; 34, appendix 1]: 1 – Lermontovskaia Skala 2; 2 – Mokraia Balka; 3 – Pashkovskii-1; 4 – Tanais; 5 – Kerch; 6 – Chufut-Kale; 7 – Aivazovskoe; 8 – Podkumok river, near Kislovodsk; 9 – Belosaraiskaia kosa; 10 – Tyritake; 11 – Siuiur-Tash; 12 – Chersonese; 13 – Filippovskaia; 14 – Il'ichevskoe fortified settlement; 15 – Mountainous Crimea; 16 – Alekseevka; 17 – Repets river mouth (Utkino); 18 – Moksha river, R'azan' oblast'; 19 – Anapa; 20 – Pronsk, the vicinity of; 21 – Bitiug river, Voronezh oblast'; 22 – Volkovo; 23 – Karshi-Bair; 24 – Shelekhmet'; 25 – Nikolaev; 26 – Sumy; 27 – Staevo-5; 28 – Mordovo; 29 – Borok; 30 – Erakhtur; 31 – Narmushad'; 32 – Prozovskoe fortified settlement; 33 – Belgorod or Sumy oblast', their borderland; 34 – Malye Alabukhi Pervye; 35 – Tol'iatti; 36 – Timiriaz'ev; 37 – Aleshkovskie Peski; 38 – Mar'inka; 39 – Nizhnekundriuchenskaia; 40 – Sevastopol

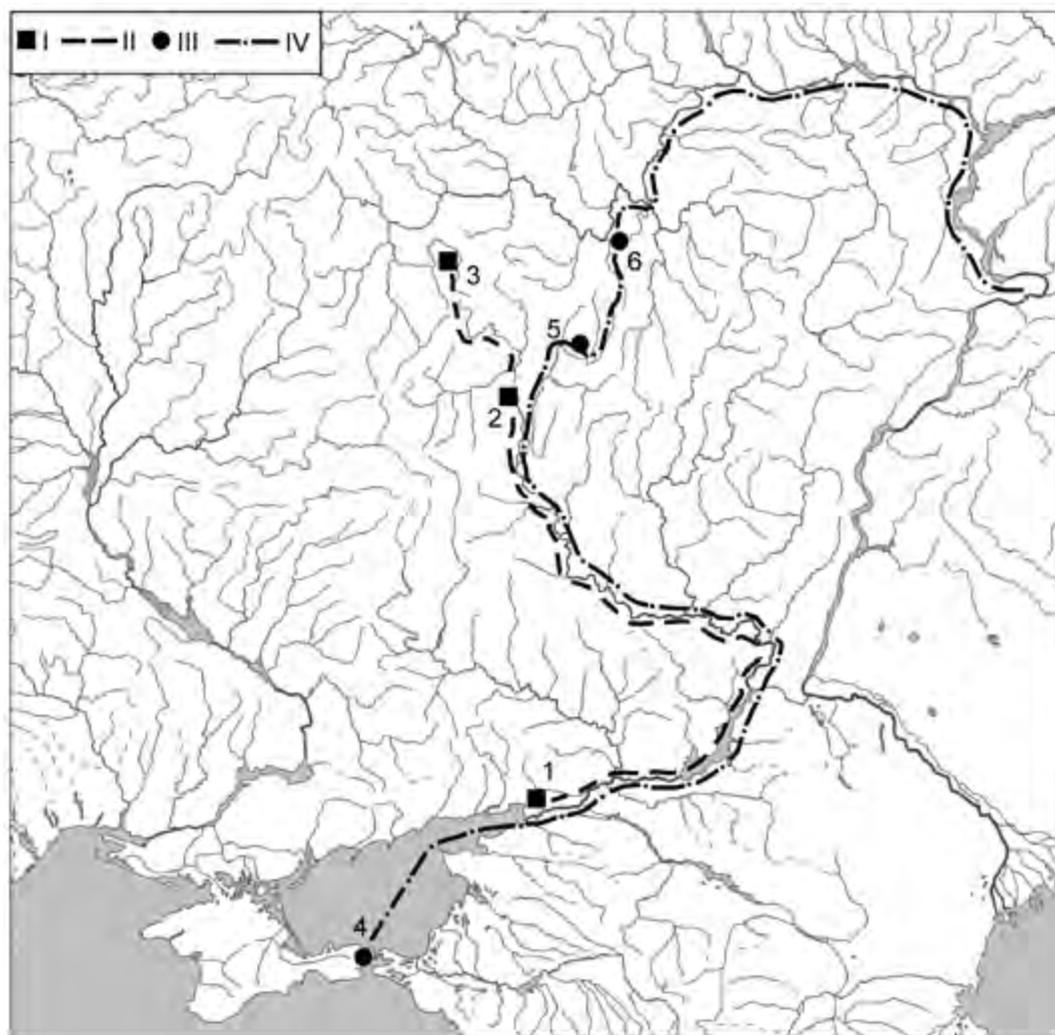

Рис. 7. Реконструкция маршрута торгового пути: I – центры пути конца IV – V в.; II – приблизительный маршрут пути конца IV – V в.; III – центры пути VI–VII вв.; IV – приблизительный маршрут пути VI–VII вв.

1 – Танаис; 2 – Острая Лука Дона; 3 – Упа-Криволучье; 4 – Боспор; 5 – Стаево; 6 – Шилово

Fig. 7. Reconstructed trade route: I – late fourth- and fifth-century centres; II – approximate route in the late fourth and fifth centuries; III – sixth- and seventh-century centres; IV – approximate route in the late sixth and seventh centuries

1 – Tanais; 2 – Ostraiia bend of the Don; 3 – Upa-Krivoluch'e; 4 – Bosphoros; 5 – Staevo; 6 – Shilovo

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев С.И. Находка раннесредневековой христианской металлопластики на Тамбовщине // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Ред. С.И. Андреев. Тамбов: ТГУ, 2012. С. 260–269.
2. Андреев С.И., Филимонова Н.В. Раннеславянские культуры в Тамбовской обл. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 18–24.
3. Ахмедов И.Р. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО, 2016. С. 64–87.
4. Белоцерковская И.В. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 178–229. (Раннеславянский мир. Вып. 15).
5. Володарец-Урбанович Я.В. Речі побутово-ремісничого характеру в складі слов'янських скарбів кола Мартинівки // In Sclavenia terra. 2018. № 2. С. 113–138.
6. Воронцов А.М., Мызгин К.В. Ultima Thule? О находках позднеримских монет на территории Тулы // Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н.е.: до 90-річчя В.Д. Барана / Ред. О.В. Петраускас, О.В. Гопкало, С.А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України, 2019. С. 244–261. (Oium. Вып. 6).
7. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте г. Тулы // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 298–310. (Раннеславянский мир. Вып. 19).
8. Гавритухин И.О. Византийские подвязные фибулы с S-овидной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы / Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 35–90. (Раннеславянский мир. Вып. 13).
9. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 135–206.
10. Гавритухин И.О., Швырёв А.Д. Новые данные о фибулах подгруппы Левице – Токари в свете находок с Дона // Inter Orientem et Occidentem. Збірка статей до 65-річчя доктора Ердмуте Шульцце та до 20-річчя Германно-Слов'янської археологічної експедиції / Ред. М. Любичев, К. Мизгін. Харків, 2020. С. 222–251. (Ostrogothica Serie. Вып. 3).
11. Зиньковская И.В. Археологические памятники раннегуннского времени Верхнего и Нижнего Дона (сравнительный анализ) // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья / Ред. А.З. Винников. Воронеж: Истоки, 2008. С. 20–24.
12. Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. № 4. С. 1–111.
13. Мاستыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: ИА РАН, 2009. 500 с.
14. Мاستыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник. Вып. 6 / Ред. А.З. Винников. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 241–254.
15. Мاستыкова А.В. Некоторые элементы женского убора оседлого населения пограничья степи в эпоху Великого переселения народов: миграция или мода? // Stratum plus. 2020. № 5. С. 73–90.
16. Мاستыкова А.В., Земцов Г.Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 2014. № 234. С. 200–222.
17. Обломский А.М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. Вып. 1 / Ред. А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 252–269.
18. Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения поселка гуннского времени в Танаисе // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). Збірка тез доповідей на міжнародній науковій конференції / Ред. М.А. Журба, Р.Г. Шишкін. Київ: Национальный педагогический институт им. М.П. Драгоманова, 2010а. С. 61–66.

19. Обломский А.М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле», 2010б. С. 174–202.
20. Обломский А.М. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. СПб., Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2011. С. 443–462.
21. Обломский А.М. О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего средневековья // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / Ред. И.Л. Кызласов. М.: Авторская книга, 2016. С. 119–149.
22. Обломский А.М. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Ред. В.С. Сеника, Р.А. Рабинович. Кишинев, Тирасполь: Приднестровский госуниверситет им. Т.Г. Шевченко, Высшая антропологическая школа, 2018. С. 355–388.
23. Обломский А.М. Антропоморфные амулеты из верховьев р. Воронеж. К вопросу о южных связях населения региона в VI–VII вв. // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Севастополь, 6–8 июня 2019 г. Т. 1 / Ред. А.Д. Васильев. М.: Пробел 2000, 2019. С. 212–218.
24. Обломский А.М. Лепная керамика окской традиции памятников верхневоронежской культурной группы // Археология Волго-Окского региона. Сборник тезисов круглого стола 28–29 апреля 2020 года. ГИМ, ИА РАН / Ред. Н.А. Биркина и др. М., 2020. С. 95–105.
25. Обломский А.М. Ранние славяне в лесостепном Подонье в III–VII вв. // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена / Ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Научная книга, 2021. С. 461–648.
26. Обломский А.М., Масленников К.И. Работы Раннеславянской экспедиции ИА РАН на территории Верхнего Подонья // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020 / Ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2021. С. 155–158.
27. Обломский А.М., Швырёв А.Д. Византийская гирилка для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // КСИА. 2018. № 250. С. 307–326.
28. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. 330 с. (Раннеславянский мир. Вып. 6).
29. Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. 659 с. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
30. Сапрыкина И.А., Мاستыкова А.В. Золотые изделия из «княжеского» погребения с поселения Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону: редкие техники изготовления? // Stratum plus. 2017. № 4. С. 165–180.
31. Смольянинова Т.В., Обломский А.М., Масленников К.И. Изучение металлургического горна на поселении Капитаншино 6 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018 / Ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2019. С. 163–164.
32. Сурков А.В. Раскопки поселения 4 у поселка Красный Городок // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020 / Ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2021. С. 159–160.
33. Сыщиков Н.В. Финно-угорский культурный компонент на раннесредневековых памятниках в верховьях р. Воронеж // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовия. 2019. № 1 (49). С. 135–150.
34. Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А.М. Обломский. СПб.: Нестор-История, 2022. 543 с. (Раннеславянский мир. Вып. 21).
35. Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. Л.И. Мелюкова. М.: Наука, 1984. С. 241–246.

REFERENCES

1. Andreev S.I. The Discovery of Early Medieval Christian Metal Plastics in the Tambov Region. Andreev S.I. (Ed.), *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoi ravniny* [Tambov Antiquities. Archeology of the Oka-Don Plain], vol. 3, Tambov, Tambov State University Publ., 2012, pp. 260–269.
2. Andreev S.I., Filimonova N.V. Early Slavic Cultures in Tambov Region. Naumov A.N. (Ed.), *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriiia* [Upper Don Region: Archeology. History], vol. 3, Tula, Kulikovo Pole Publ., 2008, pp. 18–24.
3. Akhmedov I.R. Byzantine and Slavic Finds in Ryazan-Oka Antiquities. Nikitin A.O. (Ed.), *Drevnosti Pooch'ia. Sbornik nauchnykh rabot k 60-letiiu V.V. Sudakova* [Antiquities of the Oka Region. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 60th Anniversary of V.V. Sudakov], Ryazan, RICO Publ., 2016, pp. 64–87.
4. Belotserkovskaya I.V. Women's Costume of Oka Finns of the 5th–7th Centuries. Traditions and Innovations. Oblomskiy A.M. (Ed.), *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov* [Problems of Interaction of the Eastern Europe Population in the Great Migration Epoch], Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2014, pp. 178–229.
5. Volodarets-Urbanovich Ya.V. Artefacts of a Household and Craft Nature in the Composition of Slavic Treasures of the Martynovka Circle. In *Sclavenia terra*, 2018, no. 2, pp. 113–138.
6. Vorontsov A.M., Myzgin K.V. Ultima Thule? On the Finds of Late Roman Coins on the Territory of Tula. Petrauskas O.V., Hopkalo O.V., Gorbanenko S.A. (Eds.), *Starozhytnosti varvarkykh plemen u pershii polovyni I tys. n.e.: do 90-richchia V.D. Barana* [Antiquities of Barbarian Tribes in the First Half of the First Millennium AD: to the 90th Anniversary of V.D. Baran], Kiev, Institute of Archaeology of NASU Publ., 2019, pp. 244–261.
7. Vorontsov A.M., Stolyarov E.V. Materials of the Hunnic Period from the Settlement Upa 2 in the City Tula. Rodinkova V.E., Romyantseva O.S. (Eds.), *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarkii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur. K 60-letiiu A.M. Oblomskogo* [Europe from Laten to the Middle Ages: the Barbarian World and the Birth of Slavic Cultures. To the 60th Anniversary of A.M. Oblomskiy], Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2017, pp. 298–310.
8. Gavritukhin I.O. Byzantine Fibulae with Narrow Foot with S-type Loop for Axis of Spring. Finds Discovered to the North and East from the Danube River. Islanova I.V., Rodinkova V.E. (Eds.), *Arkheologiya Vostochnoi Evropy v I tys. n.e. Problemy i materialy* [Archeology of Eastern Europe in the I millennium AD. Problems and Materials], Moscow, Institute of Archaeology of PAS Publ., 2010, pp. 35–90.
9. Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Radiate-headed Brooches with Rhombi on the Foot-plate Originating from the Staevu Manufacturing Centre on the Voronezh River. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tavria], 2018, vol. 23, pp. 135–206.
10. Gavritukhin I.O., Shvyrev A.D. New Data on the Fibulae of the Levitsa – Tokari Subgroup in the Light of Finds from the Don. Lyubichev M., Mizgin K. (Eds.), *Inter Orientem et Occidentem. Zbirka statei do 65-richchia doktora Erdmute Shul'tse ta do 20-richchia Germano-Slov'ians'koi arkheologichnoi ekspeditsii* [Inter Orientem et Occidentem. Collection of Articles to the 65th Anniversary of Dr. Erdmute Schultze and to the 20th Anniversary of the German-Slavic Archaeological Expedition], Kharkiv, 2020, pp. 222–251.
11. Zinkovskaya I.V. Archaeological Sites of the Early Hunnic Period of the Upper and Lower Don (Comparative Analysis). Vinnikov A.Z. (Ed.), *Vostochnoslavianskii mir Dnepro-Donskogo mezhdurech'ia i kochevniki iuzhnorusskikh stepei v epokhu rannego srednevekov'ia* [The East Slavic World of the Dnieper-Don Interfluvium and the Nomads of the South Russian Steppes in the Early Middle Ages], Voronezh, Istoki Publ., 2008, pp. 20–24.
12. Kazanskiy M.M. Scandinavian Fur Trade and the “Eastern Way” in the Migration of Peoples Epoch. *Stratum plus*, 2010, no. 4, pp. 1–111.
13. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI v.* [Women's Costume of the Central and Western Ciscaucasia at the End of the 4th – Middle of the 6th Century]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2009, 500 p.
14. Mastykova A.V. Mirrors of the Karpovka Type: on the Question of the Saltov-Mayaki Culture Forming.

- Vinnikov A.Z. (Ed.), *Divnogorskii sbornik* [Divnogor'e Collection], vol. 6, Voronezh, Scientific Book Publ., 2016, pp. 241–254.
15. Mastykova A.V. Some Elements of the Women's Clothing of the Sedentary Population of the Steppe Borderland in the Great Migration Period: Migration or Fashion? *Stratum plus*, 2020, no. 5, pp. 73–90.
 16. Mastykova A.V., Zemtsov G.L. A "Princely" Female Burial in the Mukhino-2 Settlement from the Hunnic Period in the Upper Reaches of the River Don. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2014, no. 234, pp. 200–222.
 17. Oblomskiy A.M. Tanais and the Upper Don Region in the Hunnic Epoch. Vinnikov A.Z., Lylova M.I. (Eds.), *Divnogorskii sbornik* [Divnogor'e Collection], vol. 1, Voronezh, Voronezh State University Publ., 2009, pp. 252–269.
 18. Oblomskiy A.M. Ethno-cultural Components of the Population of the Hunnic period Settlement in Tanais. Zhurba M.A., Shishkin R.G. (Eds.), *Cherniakhivs'ka kul'tura. Aktual'ni problemy doslidzhen' (do 40-richchia arkheologichnoi ekspeditsii NPU im. M.P. Dragomanova). Zbirka tez dopovidei na mizhnarodnii naukovii konferentsii* [Cherniakhov Culture. Actual Problems of Research (Dedicated to the 40th Anniversary of the Archaeological Expedition of the National Pedagogical Institute Named after M.P. Dragomanov). Collection of Abstracts of International Scientific Conference Reports], Kyiv, National Pedagogical Institute Publ., 2010, pp. 61–66.
 19. Oblomskiy A.M. Chronology of the Tanais Settlement of the Late Antique Period. Vorontsov A.M., Gavritukhin I.O. (Eds.), *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov* [Forest and Forest-steppe zones of Eastern Europe in the Epochs of Roman Influences and the Great Migration of Peoples], Conference 2, Part 1, Tula, Kulikovo Field State Museum-Reserve Publ., 2010, pp. 174–202.
 20. Oblomskiy A.M. The Black Sea Cultural Elements on the Upper Don Region Sites in the Middle of the 1 Millenium A.D. Sharov O.V. (Ed.), *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka* [St. Petersburg Apocrypha. A Message from Mark], St.-Petersburg, Chisinau, Higher Anthropological School Publ., 2011, pp. 443–462.
 21. Oblomskiy A.M. About Two Types of Slavic sites of the Upper Don region in the Early Middle Ages. Kyzlasov I.L. (Ed.), *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka. Sbornik pamiatii Svetlany Aleksandrovny Pletnevoi* [Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection of the memory of Svetlana Alexandrovna Pletneva], Moscow, Author's Book Publ., 2016, pp. 119–149.
 22. Oblomskiy A.M. Early Medieval Settlement Stayevo-4 in the Upper Don Region. Sinika V.S., Rabinovich R.A. (Eds.), *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy. Sbornik statei v chest' 70-letii N.P. Tel'nova* [Antiquities. Researches. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N. P. Telnov], Chisinau, Tiraspol, Higher Anthropological School Publ., 2018, pp. 355–388.
 23. Oblomskiy A.M. Anthropomorphic Amulets from the Upper Reaches of the Voronezh River. About Southern Connections of the Region's Population in the 6th–7th Centuries. Vasiliev A.D. (Ed.), *III Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka»*. Sevastopol', 6–8 iunია 2019 g. [III International Scientific Conference "Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Connections of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East". Sevastopol, June 6–8, 2019], vol. 1, Moscow, Gap 2000 Publ., 2019, pp. 212–218.
 24. Oblomskiy A.M. Hand-made Ceramics of the Oka Tradition from the Sites of the Uppervoronezh Cultural Group. Birkina N.A. et al. (Eds.), *Arkheologiia Volgo-Okskogo regiona. Sbornik tezisov kruglogo stola 28–29 aprilia 2020 goda. GIM, IA RAN* [Archeology of the Volga-Oka Region. Collection of Abstracts of the Round Table on April 28–29, 2020. GIM, Institute of Archaeology of RAS], Moscow, 2020, pp. 95–105.
 25. Oblomskiy A.M. Early Slavs in the Forest-steppe Don Region in the 3rd–7th Centuries. Fedyunin I.V. (Ed.), *Ocherki arkheologii lesostepnogo Podon'ia v epokhu golotsena* [Essays on the Archeology of the Forest-steppe Don Region in the Holocene Epoch], Voronezh, Scientific Book Publ., 2021, pp. 461–648.
 26. Oblomskiy A.M., Maslennikov K.I. Works of Early Slavic Expedition of Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the territory of the Upper Don region. Ivashov M.V. (Ed.), *Arkheolog-*

- icheskie issledovaniia v Tsentral'nom Chernozem'e 2020* [Archaeological Research in the Central Chernozem Region 2020], Lipetsk, Voronezh, Novyi vzgliad Publ., 2021, pp. 155–158.
27. Oblomskiy A.M., Shvyrev A.D. A Byzantine Coin Weight Found in the Upper Reaches of the Voronezh River. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2018, no.250, pp. 307–326.
 28. Oblomskiy A.M. (Ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamyatinskii arkheologicheskii kompleks gunnskogo vremeni* [Ostraia Luka of the Don in Ancient Times. Zamyatino Archaeological Complex of the Hunnic Period]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2004, 330 p.
 29. Oblomskiy A.M. (Ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)* [Archaeological Complex of Hunnic Period Sites near the Village Ksizovo (Late 4th–5th Century)]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2015, 659 p.
 30. Saprykina I.A., Mastykova A.V. Gold Items from the Mukhino-2 “Princely” Burial Ground of the Hunnic Period in the Upper Don: Rare Manufacturing Techniques? *Stratum plus*, 2017, no. 4, pp. 165–180.
 31. Smolyaninova T.V., Oblomskiy A.M., Maslennikov K.I. The Study of the Metallurgical Furnace at the Kapitanshino Settlement 6. Ivashov M.V. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'nom Chernozem'e 2018* [Archaeological Research in the Central Chernozem Region 2018], Lipetsk, Voronezh, Novyi vzgliad Publ., 2019, pp. 163–164.
 32. Surkov A.V. Excavations of Settlement 4 near the Village Krasny Gorodok. Ivashov M.V. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'nom Chernozem'e 2020* [Archaeological Research in the Central Chernozem Region 2020], Lipetsk, Voronezh, Novyi vzgliad Publ., 2021, pp. 159–160.
 33. Syshchikov N.V. Finno-Ugric Cultural Component on Early Medieval Sites in the Upper Reaches of the Voronezh River. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve respubliky Mordoviia* [Bulletin of the Research of Institute of Humanities under the Government of the Republic Mordovia], 2019, no. 1 (49), pp. 135–150.
 34. Oblomskiy A.M. (Ed.). *Torgovo-remeslennyi kompleks u s. Staev v verkhov'iakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ia epokhi rannego Srednevekov'ia* [The Trade and Handicraft Complex near the Village Staev in the Upper Reaches of the Voronezh River (Late 5th–7th Centuries) and Some Problems of Archeology of the Upper Don Area of the Early Middle Ages]. St Petersburg, Nestor-History Publ., 2022, 543 p.
 35. Shelov D.B. Anthropomorphic Amulet from Tanais. Milyukova L.I. (Ed.), *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia* [The Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period], Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 241–246.

Информация об авторе

Обломский А. М. – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН, Scopus ID: 57196457114, Researcher ID: B-7566-2018.

Author information

Oblomskiy A. M. – Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Archeology of the Great Migration Period and the Early Middle Ages of the Institute of Archeology of RAS, Scopus ID: 57196457114, Researcher ID: B-7566-2018.